остальных славянских народов, которые входили в сферу их интересов и на которых их произведения оказали сильнейшее влияние. Это — этап национальной и социальной освободительной борьбы в период возникновения капитализма.

Оба поэта, обладая литературоведческой интуицией, искали и находили те моменты в культуре XVIII в., которые обусловили мощное развитие русской и польской словесности. То, что дошло до нас в беглых историко-литературных заметках Пушкина, справедливо не только с точки зрения поэтической техники, но и в идейно-эмоциональном отношении. Суждение Мицкевича о Ломоносове совпадает с оценкой Пушкина — и тот, и другой говорили о недостатке истинного поэтического духа и о формальной зависимости от западных одических образцов. К сожалению, Мицкевич не увидел в исторических сочинениях Ломоносова «фактов, свидетельствующих об осведомленности в народной поэзии».[4] Это, вне всякого сомнения, нашло бы свое место в славянской системе («догмате») Мицкевича, которую следует рассматривать как проявление национальной и социальной освободительной борьбы.

Сосуществование и взаимовлияние литературы и устного народного творчества, а также низовой рукописной продукции современная наука рассматривает на фоне всей национальной культуры, применяя прежде всего классовый принцип. У славян фольклор занимает особое место — в период складывания буржуазных наций у южных славян, словаков, украинцев и белорусов на фольклорной основе возникают литературный язык и словесность, у чехов же, поляков и русских — «языково-литературное возрождение».

То, что именуется «гердеризмом» (интерес к старинному и современному народному творчеству), славяне знали задолго до Гердера. Вспомним хотя бы Шишгорича и современника Гердера Качича-Миошича у хорватов, из русских же — особенно Татищева, который занимался народным творчеством в начале XVIII в. и уже в 1736 г. составил обширную программу собирания устной словесности, — факт, не имеющий аналогий в европейской литературной науке того времени (годом ранее Татищев подготовил сборник пословиц). Это было нечто качественно новое по сравнению с поверхностным интересом к народной сказке во Франции в конце XVII столетия (мадам де Севинье, д'Онуа, Перро и др.). Я, разумеется, вовсе не собираюсь отрицать интереса к народному творчеству, обусловленного на Западе подъемом буржуазии. Но когда францисканец Качич-Миошич свой «Разговор угодни народа словинскога» (1756; второе издание в 1759 г.) посвящает «бедным

---

[4] П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор. — В кн.: «Ломоносов», сборник статей и материалов, II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 111.